

Жена — эпизод 13 из 19

Есть такая нравственность и такой закон, чтобы молодая, здоровая, самолюбивая женщина проводила свою жизнь в праздности, в тоске, в постоянном страхе и получала бы за это стол и квартиру от человека, которого она не любит. Вы превосходно знаете законы, очень честны и справедливы, уважаете брак и семейные основы, а из всего этого вышло то, что за всю свою жизнь вы не сделали ни одного доброго дела, все вас ненавидят, со всеми вы в ссоре и за эти семь лет, пока женаты, вы и семи месяцев не прожили с женой. У вас жены не было, а у меня не было мужа. С таким человеком, как вы, жить невозможно, нет сил. В первые годы мне с вами было страшно, а теперь мне стыдно... Так и пропали лучшие годы. Пока воевала с вами, я испортила себе характер, стала резкой, грубой, пугливой, недоверчивой... Э, да что говорить! Разве вы захотите понять? Идите себе с богом.

Жена прилегла на кушетку и задумалась.

А какая бы могла быть прекрасная, завидная жизнь! тихо сказала она, глядя в раздумье на огонь. Какая жизнь! Не вернешь теперь.

Кто жила зимою в деревне и знает эти длинные, скучные, тихие вечера, когда даже собаки не лают от скуки и, кажется, часы томятся оттого, что им надоело тикать, и кого в такие вечера тревожила пробудившаяся совесть и кто беспокойно метался с места на место, желая то заглушить, то разгадать свою совесть, тот поймет, какое развлечение и наслаждение доставлял мне женский голос, раздававшийся в маленькой уютной комнате и говоривший мне, что я дурной человек. Я не понимал, чего хочет моя совесть, и жена, как переводчик, по-женски, но ясно истолковывала мне смысл моей тревоги. Как часто раньше, в минуты сильного беспокойства, я догадывался, что весь секрет не в голодающих, а в том, что я не такой человек, как нужно.

Жена через силу поднялась и подошла ко мне.

Павел Андреич, сказала она, печально улыбаясь. Простите, я не верю вам: вы не уедете. Но я еще раз прошу. Называйте это, она указала на свои бумаги, самообманом, бабьей логикой, ошибкой, как хотите, но не мешайте мне. Это всё, что осталось у меня в жизни. Она отвернулась и помолчала. Раньше у меня ничего не было. Свою молодость я потратила на то, что воевала с вами. Теперь я ухватилась за это и ожила, я счастлива... Мне кажется, в этом я нашла способ, как оправдать свою жизнь.

Natalie, вы хорошая, идейная женщина, сказал я, восторженно глядя на жену, и всё, что вы делаете и говорите, прекрасно и умно.

Чтобы скрыть свое волнение, я прошелся по комнате.

Natalie, продолжал я через минуту, перед отъездом прошу у вас, как особенной милости, помогите мне сделать что-нибудь для голодающих! Что же я могу? сказала жена и пожала плечами. Разве вот только подписной лист?

Она порылась в своих бумагах и нашла подписной лист.

Пожертвуйте сколько-нибудь деньгами, сказала она, и по ее тону заметно было, что своему подписному листу она не придавала серьезного значения. А участвовать в этом деле как-нибудь иначе вы не можете.

Я взял лист и подписал: Неизвестный 5000.

В этом неизвестный было что-то нехорошее, фальшивое, самолюбивое, но я понял это только, когда заметил, что жена сильно покраснела и торопливо сунула лист в кучу бумаг. Нам обоим стало стыдно. Я почувствовал, что мне непременно, во что бы то ни стало, сейчас же нужно загладить эту неловкость, иначе мне будет стыдно потом и в вагоне и в Петербурге. Но как загладить? Что сказать?

Я благословляю вашу деятельность, Natalie, сказал я искренно, и желаю вам всякого успеха. Но позвольте на прощанье дать вам один совет. Natalie, держите себя поосторожнее с Соболев и вообще с вашими помощниками и не доверяйтесь им. Я не скажу, чтобы они были не честны, но это не дворяне, это люди без идеи, без идеалов и веры, без цели в жизни, без определенных принципов, и весь смысл их жизни зиждется на рубле. Рубль, рубль и рубль! вздохнул я. Они любят легкие и даровые хлеба и в этом отношении, чем они образованнее, тем опаснее для дела.

Жена пошла к кушетке и прилегла.

Идеи, идейно, проговорила она вяло и нехотя, идейность, идеалы, цель жизни, принципы... Эти слова вы говорили всегда, когда хотели кого-нибудь унижить, обидеть или сказать неприятность. Ведь вот вы какой! Если с вашими взглядами и с таким отношением к людям подпустить вас близко к делу, то это, значит, разрушить дело в первый же день. Пора бы это понять.

Она вздохнула и помолчала.

Это грубость нравов, Павел Андреич, сказала она. Вы образованны и воспитанны, но в сущности какой вы еще... скиф! Это оттого, что вы ведете замкнутую, ненавистническую жизнь, ни с кем не видаетесь и не читаете ничего, кроме ваших инженерных книг. А ведь есть хорошие люди, хорошие книги! Да... Но я утомилась и мне тяжело говорить. Спать надо.

Так я еду, Natalie, сказал я.

Да, да... Merci...

Я постоял немного и пошел к себе наверх. Час спустя это было в половине второго я со свечкою в руках опять сошел вниз, чтобы поговорить с женой. Я

не знал, что скажу ей, но чувствовал, что мне нужно сказать ей что-то важное и необходимое. В рабочей комнате ее не было. Дверь, которая вела в спальню, была закрыта.

Natalie, вы спите? тихо спросил я.

Ответа не было. Я постоял около двери, вздохнул и пошел в гостиную. Здесь я сел на диван, потушил свечу и просидел в потемках до самого рассвета.